

УДК 94(41)~1914/19

РОССИЙСКИЕ ПОДДАННЫЕ В ГЕРМАНИИ В АВГУСТЕ 1914 Г., И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГЕРМАНСКОГО ВРАГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

З.Е. АБДРАШИТОВ*Казанский юридический институт МВД России, Республика Татарстан**e-mail: b-el@rambler.ru*

В статье предпринята попытка реконструкции образа германского врага в общественном сознании россиян в первые месяцы Первой мировой войны (на материалах прессы). А также был воссоздан сегмент настроений общественно-политического дискурса российских подданных, находящихся на территории Германии.

Ключевые слова: Первая мировая война, пленные, образ врага, общественно-политический дискурс.

Начало первой мировой войны оказалось полной неожиданностью для европейцев. Россияне, находившиеся в Германии, отмечали, что еще за два дня до объявления Германией войны России в стране было абсолютно спокойно. Когда русские инженеры, командированные в Дортмунд, обратились в местное полицейское управление о целесообразности их дальнейшего пребывания на территории Германии, то это обстоятельство вызвало недоумение у полицейских и бургомистра Дортмунда¹.

На момент начала войны несколько тысяч российских подданных по тем или иным причинам находилось на территории Германии и Австро-Венгрии. Часть из них являлась курортниками и туристами, ибо в России были очень популярны курорты Австрии и Германии, особенно Мариенбад, Карлсбад, Баден-Баден и другие². Многие россияне учились в престижных учебных заведениях Австро-Венгрии и Германии, были те, кто оказался на территории противника по делам бизнеса, но самом обидным было попасть в руки врага, проезжая транзитом через территорию Германии и Австро-Венгрии. Особняком находились крестьяне – «отходники» и отхожие рабочие, которых по некоторым данным на момент объявления войны Германии находилось «более 350 тысяч»³ человек. Их судьба незавидна, так как они представляли стратегическую ценность для Германии, в связи с резкой нехваткой рабочих рук.

Уже сразу после начала боевых действий в Россию проникает информация о тяжелом положении российских подданных, оказавшихся на территории противника, особенно Германии. Эти сведения формировали и одновременно дополняли образ жестокого и коварного германского врага. В данном плане империя Габсбургов, несмотря на всю волну описания австро-венгерских жестокостей, воспринималась как меньшее зло.

Воспоминания и переживания людей, оказавшихся в годы первой мировой войны на территории Германии и Австро-Венгрии должны были российской общественности продемонстрировать варварскую сущность тевтонских агрессоров и показать, что война является не «бесшабашным пикником», а войной с лютым врагом, который в случае победы уничтожит основы европейской цивилизации.

Поэтому воспоминаниям очевидцев отводилась роль «сеанса разоблачения» и показа всей фальши и цинизма германской цивилизации. Первым шок выражался примерно в таких или почти в таких высказываниях: «Мы, русские, привыкли немцев считать культурными европейцами, а потому трудно было поверить, чтобы этот народ дошел до такой степени нравственного падения, чтобы вся страна вдруг пре-

¹ Резанов А.С. Немецкие зверства. Книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также официальным документам. Пг., 1914. С. 48-49.

²Крючков И.В. На отдых в Австрию: туристическая индустрия Цислайтании на службе у российских подданных/ Туризм и культурное наследие. Вып. 7. Саратов, 2010. С.18-19.

³ Волжский день от 26 сентября 1914 г. №46. С. 5

вратилась в гнусных насильников, убийц и подлых грабителей»⁴. Известный российский артист А.А. Данилов прямо отмечал, что: «Я никогда не представлял себе, что немецкий народ может быть таким некультурным и жестоким»⁵.

Вся компания по разжиганию шпиономании и ненависти к русским, по мнению россиян оказавшихся в августе-сентябре 1914 г. в Германии должна была консолидировать немецкую нацию и оправдать начало Берлином войны против России. Необходимо отметить, что немецкая нация не была готова к войне с русскими. Культивирование образа врага облегчало мобилизацию немцев в действующую армию. Страх перед русскими шпионами и возможным вторжением русских варваров в Германию заставлял немецкого бюргера спешно вступать в ряды вооруженных сил. Поэтому «русским шпионам» в этом плане отводилась решающая роль.

Особой темой раскрываемой очевидцами событий, происходивших в Германии в августе 1914 г. стало описание унижения и психологического давления на подданных России. Представители германских властей прибегали к самым разнообразным методам давления на россиян. Возмущение подданных России вызывал факт конфискации их личного имущества; у них забирали все средства к существованию, особенно золотые марки и рубли. После освобождения россиянам возвращали денежные средства бумажными банкнотами. Данная политика германских властей была направлена не столько на дискриминацию россиян, сколько на то, чтобы в условиях войны любыми способами сохранить, а по возможности пополнить золотой запас страны. Так как, в Германии и в Австро-Венгрии местные жители стремились с началом войны разменять бумажные банкноты на золотые монеты. По свидетельству Г.С. Калачова, находившегося в группе россиян уже с упоминавшимся сенатором С.В. Ивановым, с графиней и графом Канкрины, бароном и баронессой Каульбарс, в течение всего передвижения этой группы по территории Германии им не разрешали менять русские рубли на германские марки. Только один германский офицер тайно поменял Г.С. Качалову рубли по очень невыгодному курсу⁶.

Тема экономического грабежа россиян постоянно приобретала новые оттенки. Очень часто на железнодорожных вокзалах подданные России приобретали билеты в вагоны I и II класса, но данная процедура была абсолютно бесполезной, так как их сажали на первые попавшиеся поезда, не редко вагоны с интернированными прицеплялись к военным составам. В подавляющем числе случаев россиян из вагонов I и II классов пересаживали в вагоны III и IV классов⁷. Разумеется, разницу в цене проезда никто не возвращал. Многие россияне «читали» злорадство на лицах германских кассиров, сознательно их обманывавших.

Пытаясь хотя бы каким-нибудь образом спасти свое имущество и получить необходимые средства для выезда из Германии, российские подданные устремились к ломбардам Берлина и других городов страны, им удавалось получить в лучшем случае 30-40% от стоимости имущества. В ряде случаев, увидев паспорта России, сотрудники ломбардов отказывались принимать у россиян вещи или выдавали им мизерные суммы. Кроме этого встречались примеры прямого мародерства немцев. Правда, они были довольно редкими. Так по данным «Русского слова», рассказанным очевидцем событий германский капитан сорвал с одной русской дамы дорогие серьги. При чем он не позволил ей отстегнуть серьги, вырвав вместе с плотью украшение⁸.

Особых страх вызывали аресты отдельных подданных России и их отрыв от основной массы россиян. Люди, оказавшиеся в беде, стремились объединяться и держаться вместе. Так, было легче отстаивать свои права, вести совместное хозяйство, к тому же в большом коллективе чувство страха несколько притуплялось. Поэтому чело-

⁴ Резанов А.С. Немецкие зверства. Книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также официальным документам. Пг., 1914. С. 1.

⁵ Биржевые ведомости 29 июля 1914. Вечерний выпуск.

⁶ Новое время 4 августа 1914.

⁷ Новое время 4 августа 1914.

⁸ Русское слово 10 августа 1914.

век, вырванный из такого коллектива, впадал в отчаяние, его дальнейшая судьба была неизвестна, всегда возникал вопрос, почему меня арестовали и отделили от всех, направлявшихся к свободе? Ответы в основном были выдержаны в мрачных тонах. Коллектив также подвергался сильному психологическому удару, когда он терял своего члена. Все волновались за судьбу арестованного, к тому же никто не был уверен, что завтра не арестуют его. Особому воздействию в данной связи подвергались члены семьи арестованного. Возраст, титулы и звания не являлись гарантией безопасности. В середине августа был арестован член Государственного совета Шебеко, после чего люди, с которыми они ехали из южной Германии в сторону Дании больше его не видели. Позже Шебеко после многочисленных мытарств удалось вернуться на родину.

Система психологического давления на россиян и их унижения зачастую приобретала своеобразные формы. Не редко их перевозили в грязных вагонах, в вагонах лавки могли выкрасить свежей краской, в результате чего люди вымазывали свою одежду. Часто германские солдаты загоняли людей в вагоны, используя грубую силу и приклады винтовок против детей, стариков и женщин⁹. Кроме этого подданных России не кормили во время перевозки и запрещали посещать вагоны-рестораны, если таковые имелись. При этом германские офицеры и солдаты довольно часто устраивали публичные попойки в вагонах-ресторанах с обильным употреблением пищи на глазах у измученных россиян¹⁰. По сведениям очевидцев некоторые группы россиян не получали питание по два-три дня. По словам Екатеринбургского купца М.И. Эля, интернированные в железнодорожном составе в котором он ехал не получали продовольствия в течение двух суток, вода выдавалась только после долгих уговоров¹¹. Были случаи когда воду приобретали на вокзалах по «бешеной» цене в 20 марок за стакан. Люди, имевшие при себе продукты, стремились поделиться ими с остальными россиянами. По сложившейся практике продукты распределялись среди женщин и детей, мужчины получали пищу в последнюю очередь, либо вообще оставались без нее. Ко всем бедам россиян во время передвижения в железнодорожных составах по Германии добавилась невозможность соблюдения личной гигиены, так как все умывальники в поездах не имели воды.

Еще в более сложной ситуации оказались люди, перевозившиеся в товарных вагонах, не имевших туалеты. Многие россияне, лечившиеся на курортах Германии и Австро-Венгрии, имели заболевания мочевой системы, поэтому многочасовые поездки для них были наиболее мучительными. В такой же ситуации оказались девушки и женщины во время месячных. Мужчины стремились поддержать их тем, что делали вид, что они ничего не замечают. Цинизм поведения немецкой охраны в изложении россиян выходил за рамки всего разумного. Так, после многочасового переезда одной из групп россиян в товарных вагонах, состав остановили в открытом поле и всем русским предложили сходить в туалет на виду у охраны, не выделив «женский» и «мужской» сектора¹².

Правда, такие факты являлись скорее исключением, большинство подданных России имело возможность получить скромное питание. Наибольшее возмущение у читателей вызывал факт, изложенный известным российским театральным деятелем В.И. Немировичем-Данченко. По его свидетельству одна из русских дам из-за нервного срыва, не могла кормить ребенка грудью, она умоляла немецких охранников дать ей стакан молока. Охранники принесли молоко, но женщине его не передали, дразня ее, в результате несчастная женщина сошла с ума¹³. Такого рода события приобретали большой резонанс, все ведущие издания страны публиковали эту информацию на своих страницах. Не обходила их стороной и провинциальная периодика.

⁹ Правительственный вестник 24 августа 1914.

¹⁰ Биржевые ведомости 31 июля 1914. Вечерний выпуск.

¹¹ Петроградский курьер 1 августа 1914.

¹² Русское слово 10 августа 1914.

¹³ Русское слово 10 августа 1914.

Сильный удар по психике людей наносили сцены срыва их выезда из Германии в последний момент. Очень часто в воспоминаниях россиян фигурируют факты, когда их под самыми надуманными предложениями ссаживали с поездов и запрещали отъезд. Люди, предвкушавшие свободу и распрощавшиеся со своим тюремным положением, вновь возвращались к суровой действительности. По воспоминаниям одного из профессоров Петроградского университета состав с россиянами дошел до самого пограничного моста в Восточной Пруссии, и когда казалось, что родина близка, эшелон внезапно вернули назад в германскую пограничную станцию Эйдкунен, где он простоял шесть часов, после чего россияне все же попали в Россию¹⁴. В ряде случаев причину задержки состава немецкие власти объясняли тем, что русские солдаты взорвали все железнодорожные мосты, что в первые дни войны не соответствовало действительности.

Большое оскорбление россиянам наносила процедура раздевания до гола и тотальной проверки одежды, о чем с наибольшим возмущением вспоминал А.В. Бельгради¹⁵. «Пьяные солдаты ландвера вытолкнули графиню ударами на платформу и обыскали грубо, держа за волосы и платье», - так описывала подобную сцену газета «Волжское слово» за 31 июля 1914 г. Особенно чувствительно данный произвол воспринимался применительно к женщинам и девушкам. По свидетельству россиянина немцы довольно часто устраивали обыски, заставляя девушек и женщин раздеваться до гола на виду у немецких солдат и офицеров. В ряде случаев колонна делилась на две части мужскую и женскую, при чем мужская половина не подвергалась таким процедурам. Встречались примеры издевательского обыска, проводимого германскими офицерами (в основном фигурируют молодые лейтенанты германской армии), когда женщин и девушек не заставляли раздеваться, но это компенсировалось особой «тщательностью» обыска, выходящего за все моральные нормы¹⁶. В Кенигсберге после такого обыска госпожа Лагус была помещена в тюремную камеру, где содержались местные проститутки, россиянку заставили постоянно убирать камеру¹⁷.

В некоторых случаях естественные действия германских властей с подданными противника в условиях войны воспринимались как подчеркнутое унижение людей. Российские подданные, оказавшиеся в Алленштейне, были возмущены тем, что их немецкие часовые сопровождали до двери туалета и обратно. Забывая, что германские власти, проявив «гуманизм» распорядились соорудить два отдельных туалета (женский и мужской).

Впрочем, отношение к представителям дворянского сословия было еще удовлетворительным. Крестьянам-отходникам преподавали очень жесткие уроки. Так, «в имении Преслау, принадлежащем князю Гогенлоэ, в ответ на требования рабочих уплатить им за отработанные дни, были вызваны войска. Немецкие солдаты бросились на рабочих и зверски их избивали». В ряде имений зафиксированы расстрелы рабочих. Все это производило гнетущее впечатление на современников.

Особые переживания людей были связаны с утомительными процедурами построений и перекличек¹⁸. Эта процедура превращалась в своеобразный ритуал, организованной немецкими властями. Людей выводили из эшелонов на плац, привокзальные площади или на любую территорию, находившуюся недалеко от вокзала, их выстраивали в шеренги¹⁹. Вокруг россиян выстраивались германские солдаты, к ружьям в ряде случаев присоединялись штуки, что производило угрожающее впечатление на людей. Очень часто общение конвоя и россиян сопровождалась перио-

¹⁴ Новое время 22 июля 1914.

¹⁵ Резанов А.С. Немецкие зверства. Книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также официальным документам. Пг., 1914. С. 41.

¹⁶ Новое время 30 июля 1914.

¹⁷ Обзор действий Чрезвычайной Следственной Комиссии с 29 апреля 1915 по 1 января 1916 г. Т. I. Пг., 1916. С.285.

¹⁸ Биржевые ведомости 31 июля 1914. Вечерний выпуск.

¹⁹ Новое время 22 июля 1914.

дическими переводами затвора ружей немецкими солдатами в боевое положение, что явно имитировало подготовку расстрела интернированных. Н.Л. Марков-первый отмечал случай, когда его и еще несколько российских подданных выстроили в тюрьме Шпандау, где была устроена имитация расстрела русских из двух пулеметов²⁰. Построение могло продолжаться 5-6 часов, многие не выдерживали данной процедуры, теряли сознание и т.д.

Свою лепту в оказание массированного давления на россиян вносила германская полиция, она постоянно проводила обыски и аресты людей. При чем действия полиции не отличались гуманностью. Проявлением жестокости полиции стало использование специально обученных собак для охраны и конвоирования задержанных россиян. В ряде случаев полиция использовала собак по прямому назначению, натравливая их на людей²¹. Баронесса Розен стала свидетельницей сцены, когда одна русская дама, будучи не в состоянии нести свой тяжелый чемодан по железнодорожному вокзалу выбросила его, германские полицейские, приняв этот жест за проявление неповиновения, натравили собаку на бедную женщину²².

Как уже отмечалось, россияне в массовом порядке помещались в тюрьмы, зачастую в одиночные камеры. Этой процедуре подвергались, как женщины, так и мужчины. Мужчины и женщины, как правило, размещались в различных концах тюрем, что вызывало большое психологическое напряжение среди арестованных. Очень часто женщины полагали, что мужчины были расстреляны, а мужчины, были уверены, что женщины подвергаются сексуальному насилию со стороны германских солдат и офицеров. Примеры изнасилований в тюрьмах не встречаются, зато можно привести массу примеров, когда германские надсмотрщики заставляли женщин раздеваться до гола с целью проведения обыска, что приводило к конфликтам²³. В данной связи печальную известность у россиян приобрела прусская крепость Торн. Небольшие одноместные камеры в крепости имели, из мебели только деревянные кровати без матрасов и подушек²⁴.

Очень тяжелым оказалось положение россиян в тюрьме города Бреслау (совр. Вроцлав - прим. автор.). Перед заключением у людей отнимали ножи, ножницы и другие, колющие и режущие предметы. Россиян всех размещали в одноместных камерах, при чем дети, даже малолетние отбирались у матерей и также размещались в одноместных камерах. Однако сразу немецкая администрация отказывалась от такой практики. В первый день ареста российские подданные получили отвратительное питание, состоящее из напитка отдаленно напоминающий кофе, перлового супа с салом. Изысканная русская публика отказалась принимать такое питание. На второй день администрация тюрьмы Бреслау смягчает режим содержания, кроме возврата детей матерям, заключенным разрешили через надзирателей передавать записки родственникам и друзьям.

Своеобразным инструментом оказания давления на интернированных становится подача ложной информации о первых неудачах российской армии в начавшейся войне. В качестве примера можно привести выступление перед русскими подданными германского офицера в эшелоне шедшем из Берлина в Варнемюнд. Прежде всего, он рассказал о падении русской военно-морской базы на Балтийском море Либавы, хотя город в это время еще находилась под контролем российской армии, и был сдан значительно позже. Германские солдаты и офицеры очень любили перечислять захваченные города и селения в России. Другой очевидец некий В. Федоров событий утверждал, что на вопрос о том, когда же мы сможем уехать на территорию России «начальник станции сказал: «Вас везти некуда. В Польше восстание. Варшава взята

²⁰ Биржевые ведомости 1 августа 1914. Вечерний выпуск.

²¹ Биржевые ведомости 31 июля 1914. Вечерний выпуск.

²² Русское слово 1 августа 1914.

²³ Биржевые ведомости 30 июля. 1914. Вечерний выпуск.

²⁴ Резанов А.С. Немецкие зверства. Книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также официальным документам. Пг., 1914. С. 86.

нашими войсками. Либава разрушена до основания»²⁵. Эти повествования сопровождались комментариями о мощи германской армии и ее высоком уровне боеспособности, в отличие от российской армии, которая, согласно, данным повествованиям отступала на всех фронтах, демонстрируя полную свою беспомощность.

Образ побежденной России был бы не полным без демонстрации противнику его перспектив после успешного завершения для Германии войны. Германские офицеры рассказывали о начале депортации русского населения из Польши²⁶. Это не было случайным, немцы постоянно заявляли о том, что Россия обречена, самостоятельно конструируя ее будущие границы. В германских вагонах в августе 1914 г. многие россияне впервые узнали о претензиях Германии на Царство Польское (Привислинский край), Прибалтику, Украину и даже Санкт-Петербург. Можно было догадаться, что со всех данных территорий после войны русское население подлежало депортации в Центральную Россию и в Сибирь.

Постоянно интернированные в Германии наблюдали картину германской экспансии в России. На проходивших поездах с германскими солдатами красовались надписи: «На Санкт-Петербург», «На Москву», «На Сибирь»²⁷. Особой темой становятся монологи германских солдат и офицеров, в воспоминаниях россиян обязательно пьяных в адрес политической системы России.

Отдельной темой пребывания российских подданных в первые дни на территории Германии и Австро-Венгрии стало сексуальное насилие над беззащитными женщинами устраиваемое немецкими офицерами. В воспоминаниях практически не упоминаются германские солдаты. Офицеры в силу своего положения могли себе позволить все, в отличие от рядового состава. Такое поведение для русских было циничным проявлением германского варварства. Офицеры, даже армии противника в начале войны рассматривались как пример джентльменского поведения и рыцарского отношения к женщине. Российские газеты и агитационные сборники пестрили информацией о насилии над женщинами со стороны германских солдат и офицеров, особенно если это касалось поведения германских военнослужащих на оккупированных территориях Бельгии, Франции и России. Все эти истории только укрепляли у российского читателя ненависть к противнику и отождествление германцев со средневековой дикостью, недопустимой в цивилизованном обществе начала XX в.²⁸

В качестве примера можно привести истории одного российского банкира, дочь которого на глазах у отца была изнасилована двумя немецкими офицерами²⁹. Некоторые русские мужчины, услышав крики, бросились на помощь девушке с револьвером и ножом, которые они не сдали германским властям. Однако сами россияне их остановили, так как им было объявлено, что в случае сопротивления весь состав с российскими подданными будет расстрелян.

После описания таких сцен факты избиения женщин становились рядовым событием в конструировании образа германского врага и последних дней пребывания россиян на территории противника. Избиению подвергались как представительницы аристократии (например, графиня Воронцова-Дашкова, графиня Потоцкая и др.), так и представительницы других социальных групп российского общества.

Самой беззащитной категорией населения во время войны становятся дети. Произвол германских властей в отношении детей российских подданных становится существенной составной в описании немецких зверств. Дети постоянно испытывали на себе лишения во время нахождения на территории противника. Вместе с родителями они оказывались в тюрьмах, страдали во время переезда в железнодорожном транспорте. Для них немецкие власти, не делали ни каких послаблений, заставляя вместе с

²⁵ Казанский телеграф 3 августа 1914 г. № 6352.

²⁶ Биржевые ведомости 31 июля 1914. Вечерний выпуск.

²⁷ Новое время 4 августа 1914.

²⁸ Петроградская газета 31 июля 1914.

²⁹ Биржевые ведомости 3 августа 1914. Вечерний выпуск.

взрослыми нести все тяготы плена. В суতোлке вокзалов и портов дети теряли родителей³⁰. Это стало серьезной проблемой для российского посольства в Швеции.

В общем потоке информации о страданиях русских детей в Германии, большой резонанс в России получила история 12-летнего Курта Симона, сына рижского профессора. Бешенство немцев вызвал тот факт, что мальчик был лютеранином и прибалтийским немцем, мальчик блестяще владел немецким языком. Германские полицейские сильно избили мальчика, бросив его в камеру тюрьмы, где находились другие российские подданные³¹. В последствие Курта Симона вывезли в Россию, где он сразу был помещен в одну из петроградских больниц, так как мальчик сошел с ума. Данный случай не только лишний раз демонстрировал жестокость германских властей в отношении подданных России, в том числе детей, но он показывал то, что немцы не делали ни каких отличий в национальном и религиозном плане применительно к россиянам, в том числе прибалтийским немцам.

Большие испытания выпали на долю больных россиян, особенно после операций, их выбрасывали из больниц и санаториев, не оказывая медицинской помощи и, не делая ни каких поблажек в содержании и передвижении по территории Германии. В эту категорию следует отнести и беременных женщин³². К больным и беременным охрана не допускала германских врачей и запрещала приобретать лекарства, когда врачи из числа россиян выписывали рецепты. Доходило даже до того, что «сестрам милосердия воспрещалось оказывать знаки самого малейшего внимания к русским»³³. Стрессовая ситуация вела к появлению у людей различных заболеваний и обострению хронических болезней, что усугубляло физические и моральные страдания в условиях отсутствия нормальной медицинской помощи.

Показателем экстремальности положения россиян в Германии стало значительное количество людей, оказавшихся в психиатрических клиниках Швеции, Дании, России. По свидетельству профессора М.Я. Пергаментова только в группе россиян, в которой он оказался, сошло с ума шесть женщин³⁴. Известный российский артист Г.Г.Ге стал свидетелем аналогичной ситуации в Ваенце³⁵.

Таким образом, следует отметить, что поведение немецких властей (особенно военных) противоречило как общепринятым моральным нормам, так и правовым. Угар националистской пропаганды и уверенность в своей скорой и легкой победе проявлялся в многочисленных злоупотреблениях со стороны германских военнослужащих, особенно офицерского корпуса. Первые дни войны население Германии почти повсеместно было вовлечено в кампанию шпиономании и антироссийских манифестаций. Большинство вышеописанных сюжетов, связанных с нарушением норм Гаагских конвенций, нашло свое подтверждение в дальнейшем в стенограммах заседаний «Чрезвычайной следственной комиссии». Поэтому следует отметить, что образ германского захватчика, хотя и рисовался в гротескно темных тонах, в целом соответствовал реальному положению дел.

Воспоминания интернированных стали мощным инструментом формирования образа германского и австро-венгерского врага, поскольку насилие над мирным населением воспринималось обществом весьма болезненно. Власти и пресса проводили целенаправленную работу по собору и публикации воспоминаний россиян, переживших ужас, при возвращении из Германии домой.

Бывшие интернированные и российская общественность в целом стремились объяснить причины антигуманных действий германских властей по отношению к россиянам, оказавшимся на территории Германии в первые дни войны. Данная задача решалась посредством приписывания немцам особой жестокости и цинизма,

³⁰ Петроградский курьер 29 июля 1914; Русское слово 2 августа 1914.

³¹ Биржевые ведомости 3 августа 1914.

³² Петроградский курьер. 30 июля 1914.

³³ Истязание немцами пленных врачей // Волжский день от 22.01.15 г. №17. С.3

³⁴ Биржевые ведомости 1 августа 1914. Вечерний выпуск.

³⁵ Биржевые ведомости 6 августа 1914. Вечерний выпуск.

скрываемых за незначительным налетом цивилизованности. Моральные принципы во время войны отступали на второй план, уступая место варварской натуре немцев, идущей от древних германцев и полностью разрушавшей их культурный слой. Большая роль в раскручивании маховика террора по отношению к россиянам и подданным других стран Антанты отводилась прусской военщине и окружению кайзера, при этом роль самого кайзера в этом процессе выглядела нелицеприятно. Данные факты должны были подчеркивать культурное превосходство России и ее союзников над Среднеевропейскими империями и доказывать неизбежность войны между «царством света» (Антантой) и «царством тьмы» (Тройственный/Четверной союз).

THE RUSSIAN CITIZENS IN GERMANY IN AUGUST, 1914 AND FORMATION OF IMAGE OF THE GERMAN ENEMY IN THE DAYS OF THE FIRST WORLD WAR

E.E. ABDRAHITOV

*The Kazan legal institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,
Republik of Tatarstan*

e-mail: b-el@rambler.ru

In article attempt of *reconstruction of an image of the German enemy* in public consciousness of Russians in the first month of the First World War (on press materials) is undertaken. And as the segment of moods of a *political discourse* of the Russian citizens who are in territory of Germany has been recreated.

Key words: the First World War, captured, an image of the enemy, a political discourse.